

Шихабудин Микаилов

Три буквы на моем заборе. КВН

«Эпоха»

2008

Микаилов Ш. И.

Три буквы на моем заборе. КВН / Ш. И. Микаилов — «Эпоха»,
2008

Удивительно правдивая и веселая повесть о жизни, творчестве и маленьких тайнах самого крупного и титулованного в России КВНщика Халила Мусаева.

© Микаилов Ш. И., 2008

© Эпоха, 2008

Мусаев Х., Микаилов Ш. Три буквы на моем заборе. КВН

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критику. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана...

М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»

А потому обойдемся без предисловий...

-Халил, а что бы ты сказал, если бы вдруг встретил умную, добрую, чуткую женщину?

– Здравствуй, мама!

...Мама хотела, чтобы я стал бухгалтером. И, судя по всему, я им стал. Чайник свистит на кухне. Ненавижу этот звук. Каждое утро он напоминает мне, что через сорок три минуты я должен быть в конторе. Пятнадцать минут на завтрак, три, чтобы дойти до остановки троллейбуса, пять, чтобы его дождаться, и двадцать, чтобы доехать до Главного Управления РСФСР по охране культурного наследия какого-то засранца. Этот нехороший человек сорок лет мотался по России со своими пошлыми шутками, мерзкими пантомимами и идиотскими песенками, а вся страна стояла в очередях за билетами на его концерты. И вот теперь, когда его с почетом и орденом проводили на заслуженный отдых, наше Главное Управление, при котором я – Халил Магомедович Мусаев служу старшим экономистом, с 9 до 18 изучает и охраняет его выдающийся вклад в мировую сценическую культуру. Работа у меня малополезная для здоровья, зато стол, за которым я сижу, расположен прямо у батареи, что позволяет мне с оптимизмом встретить очередной Атлантический циклон. Зарплата не то чтобы очень, но вполне приличная – 160 рублей, включая надбавку за двадцатилетний стаж безупречной работы. И все бы ничего, вот только квартальный отчет стабильно – раз в три месяца – портит настроение и снижает и без того очень скромный аппетит.

В кабинет не входит, просто врывается Наташка Варфоломеева из отдела фольклора. На всех праздниках поет. На Новый год поет, на 23 февраля поет, на 8 марта опять петь будет. Хотя бы один раз стишок какой рассказала. Тоже мне Эдита Пьеха.

– Халил Магомедович, шеф вас кличет. И будьте так добры, захватите с собой финплан на третий квартал.

– Обязательно Наталья Владимировна. Как ваши детки?

– Какие детки, Халил Магомедович, я же не замужем.

– Дааа. Но поете вы очень страстно, так бы слушал вас и слушал.

– Так я вам прямо сейчас спою, какие проблемы.

– Боюсь, нашему шефу это не понравится, Наталья Владимировна. Я вас 8 марта с удовольствием послушаю.

Андрей Юрьевич Галанов – руководитель нашего Управления – человек положительный. В смысле положить на него считает делом чести добрая половина нашего коллектива. Другая половина молча пашет за всех, потому как имеет ях-намус или, попросту говоря, совесть. Я

как раз захожу в ту половину, у которой ях-намус имеет место быть. Видимо, поэтому каждый раз, входя в кабинет шефа, изрядно потею.

– Андрей Юрьевич, вызывали?

– Да, Халил Магомедович, проходите, садитесь. Я вас собственно вот по какому делу пригласил. Вы у нас в Управлении сколько лет уже служите?

– Весной двадцать будет.

– Да, прямо скажем, стаж (букву «ж» шеф жужжал секунд тридцать). Пора переводить вас на более ответственный участок работы. Как вы считаете?

– Не знаю, справлюсь ли, Андрей Юрьевич.

– Справитесь. В крайнем случае коллектив вас поддержит, он у нас крепкий. Я бы даже сказал, здоровый!

Да, ничего себе денек начался. И контролер этот в троллейбусе на рубль штрафанул. Откуда он только взялся. Со школы зайцем езжу в общественном транспорте, и ничего. А тут на тебе. Нарисовался. Билетик ему предъяви. Дай Бог здоровья его теще.

– Так вот, хотим мы вас, Халил Магомедович, назначить руководителем отдела учета шуток. Опять же к зарплате прибавка. Целых 25 рэ! Идите, обрадуйте супругу.

– Я, Андрей Юрьевич, в некотором смысле холост.

– Вот как раз и женитесь теперь. Кстати, Наталья Владимировна вами почти очарована.

– Откуда, Андрей Юрьевич, информация, позвольте поинтересоваться?

– Что за вопросы, я у вас руководитель или где? Идите в отдел кадров, пишите заявление или что там полагается писать в таких случаях. Все, у меня работы много, а времени как раз наоборот.

Начальник отдела кадров Шабан Салихович Муслимов, человек немолодой и весьма грузный, встретил меня добродушной улыбкой.

– С повышением вас, Халил Магомедович!

– Уже знаете...

– Все Управление уже знает, готовьте бутылочку. Лучше две.

Я бы приготовил, только этот модный хлопек в троллейбусе у меня последний рубль умыкнул. Нет, все-таки надо было внимательнее проверить его удостоверение. Подозрительный был поц!

– Может, тогда по такому случаю, Шабан Салихович, одолжите пятерку до полочки?

– О чем речь, коллега. Берите червонец, большая должность – большие расходы.

– Халил, вставай. Халил, вставай. Халил, вставай. Халил, вставай. Да проснись ты наконец, уже двенадцать, у нас концерт через три часа. Хватит дрыхнуть. Андрей два раза уже заходил, ругался.

С «дедушкой» Ванати.

С трудом открываю глаза. Судя по мебели и размерам комнаты – гостиничный номер. Перед зеркалом завязывает на шее галстук Ванати и ворчит, как старый дед. Хотя он и есть дед. Сорок лет почти!

– Где мы вчера были, Ванати?

– Вчера у нас был концерт в Управлении культуры Республики Казахстан, а потом ты смылся с каким-то узкоглазым пацаном.

– А сегодня у нас что?

– Еще один концерт. В местном МВД.

– А год сейчас какой, Ванати Шарифович?

– Одна тысяча девятьсот девяносто седьмой от рождества Христова. Хватит валять дурака, иди умывайся.

– Представляешь, мне приснилось, что я двадцать лет работаю в какой-то конторе, меня повысили, и еще в меня влюбилась Наташа Варфоломеева... У нас соленького ничего нет?

Мама хотела, чтобы я стал бухгалтером...

– А где наш писатель? А вот, это наш гений. Расскажите, пожалуйста, о своем творчестве.

– Я сейчас книгу пишу про всякие подлости и жестокости.

– А как будет называться?

– Моя жизнь.

Я решил написать книгу. А почему бы и нет. Сейчас все пишут. Вы «Дом-2» смотрите? Смотрите, смотрите. Его все смотрят, хотя не все признаются. Так вот там есть одна блондинка, она тоже книгу написала. А я чем хуже? Книга будет про мою жизнь, про КВН, как мы репетировали и играли, как выигрывали и проигрывали, про друзей, про знакомых и незнакомых девушек. Про Маслякова расскажу. Всю правду. Страна обязательно должна знать своих героев. Это я сейчас про себя. А то вы, наверно, подумали, что про Маслякова. Все тайны Дагестанского ОМОНа выдам. Ну не все, конечно, только те, которые знаю. Про наше теле-

видение кое-что поведаю. В общем, постараюсь, чтобы вам было интересно, а местами даже весело, уважаемый читатель.

Как возникла идея написания этой книги? Очень просто. Мой друг Шихаб Микаилов как-то сказал, «...пора, мол, старик и тебе написать свою книгу». Это он так пошутил. Прошло время, и эта шутка с книгой стала обретать вполне реальные черты. На первом этапе главным нашим оружием были диктофон и хороший стол с закуской, ну а потом все традиционно – компьютер, издательство, типография. Конечно, мы далеко не Ильф и Петров, но честное слово, мы старались.

Есть один замечательный писатель – сатирик, вы его знаете – Михаил Мишин. Так вот он на обложке одной своей книги написал: «Кто взял в руки эту книгу – молодец. Кто прочитал – благородный молодец. Кому понравилось – молодец с юмором. Остальным – не волноваться. У них всегда есть шанс». Полностью с ним согласен!

– Впервые я совершил чудо в трехлетнем возрасте, когда превратил новое мамино платье в кучу цветных лоскутков.

Мне исполнился год.

Я родился светлым майским утром 1974 года. Это знаменательное для всей страны событие произошло в махачкалинском родильном доме по улице Батырая. И почему-то прошло незамеченным в масштабах страны. Старики поговаривают, что вместо первого плача я произнес: «Мы начинаем КВН», но лично мне эта легенда нравится не очень. Когда парню исполнилось три года, родители решили, что пора ребенка определить в коллектив, и я пошел в детский сад «Ласточка» на соседней улице. Именно в этом замечательном заведении со мной и произошли некоторые события, врезавшиеся мне в память только потому, что они были ПЕРВЫМИ. Итак, по порядку.

Моя детсадовская группа.

Первый подарок. На день рождения вся наша группа подарила мне живую черепаху. Я гордо притащил ее домой, завив, что теперь она будет жить с нами. Однако мама подарка не оценила, заметив при этом: «Мне в квартире и двуногих вполне достаточно, тащи эту рептилию обратно в свой детский сад». На утро, обливаясь слезами, я принес Тортилу в садик, посадил ее в траву и стал ждать. Но черепаха даже и не думала двигаться с места. Мы просидели друг напротив друга, как говорят англичане *faus to faus*, часа два, пока наша вредная (я тогда так думал) воспитательница не потащила меня обедать. Когда я вернулся, черепахи уже и след простыл. Мне объяснили, что она ушла к своим деткам, и, погоревав еще полдня, я забыл про свой первый в жизни подарок.

Первая любовь. Она была такая... Такая... Ну не помню я, какая она была. НЕ ПОМНЮ. Но я на все 100 % уверен, что она была! Звали ее... Нет, все-таки я сохраню эту тайну до конца своих дней. Она теперь уже старая, наверное. Замужем давно. Как же ее звали?

Ах, сударыня, когда мы с Вами вместе,
Все цветочки расцветают на лугу!
Я скажу Вам, сударь мой:
Мне бы надо бы домой,
Но цветочки я обидеть не могу!

Как приятно и забавно,
Что я очень нравлюсь Вам,
Ну, а Вы мне и подавно!
Вот и славно, трам-пам-пам...

Первый побег. Через полтора года, уже будучи воспитанником старшей группы, я совершил дерзкий побег. Его план я разработал еще с утра, а осуществлять стал сразу после полдника. В то время, когда все мальчишки и девчонки мирно дожидались в беседке своих родителей, я незаметно для воспитательницы пролез в маленькую дырочку в детсадовском заборе и оказался на свободе. Быстрым шагом я направился к улице Гагарина. Стоял чудный июньский день. Падал с деревьев тополиный пух, пели птички в парке напротив, а я в черных шортах и почти белоснежной рубашке иду, улыбаясь встречным горожанам, совершенно довольный собой. Навстречу мне, ничего не подозревая, шла с работы моя мама. Увидев меня, она остановилась, как вкопанная.

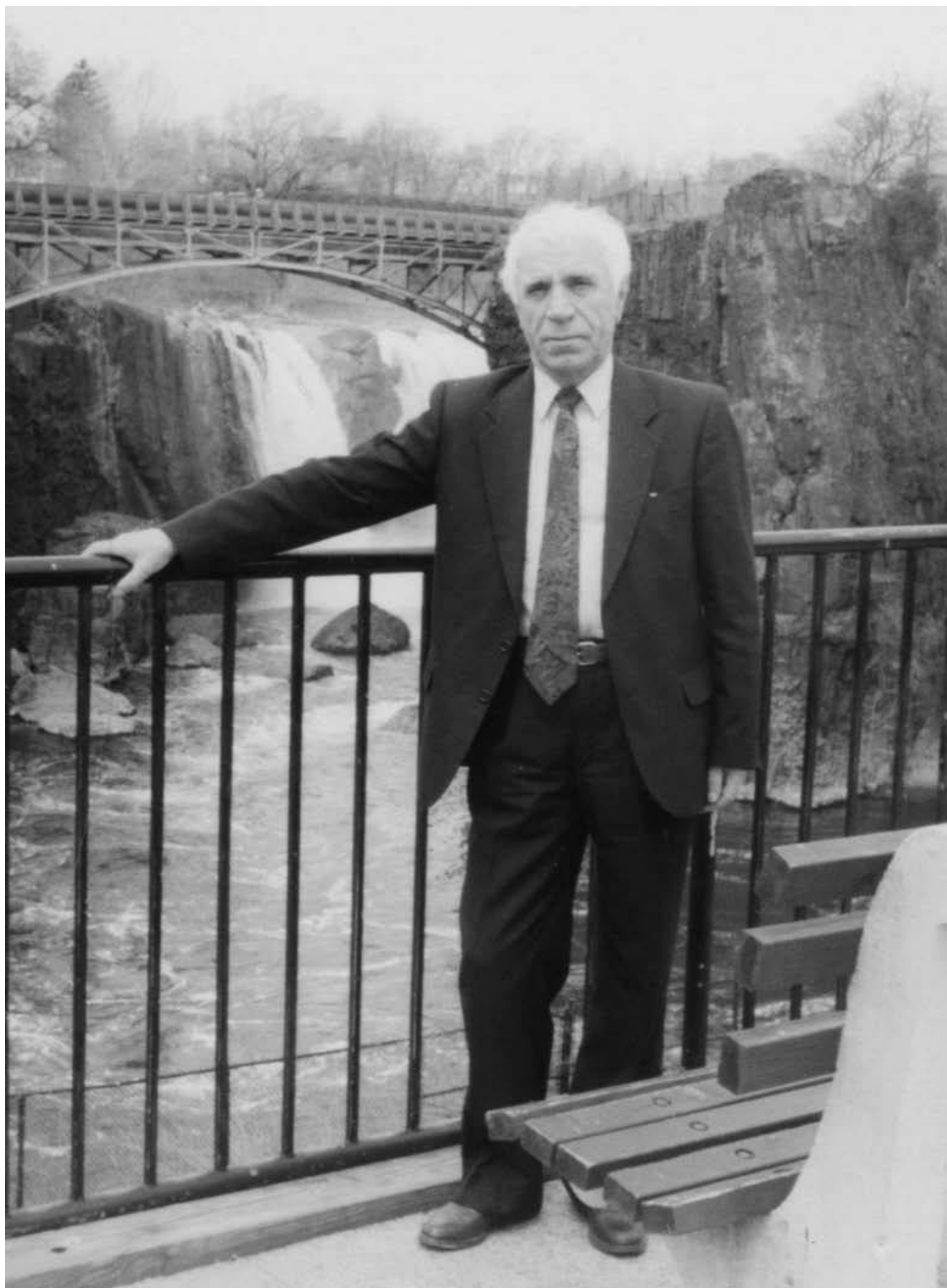
- Ты что тут делаешь?
- Домой иду.
- С кем?
- Один.
- Я тебе покажу «один»!

Дома мне, конечно, «всыпали по первое число». И вот когда допрос с пристрастием уже был окончен и мне по такому случаю выдали большой бутерброд с вишневым вареньем, в квартиру ворвалась зареванная воспитательница.

– Марьям Гусейновна, ваш сын пропал...

Киднэппинга в нашей стране тогда еще не изобрели.

- А вот, когда деревне, я все время думал: чью же фамилию взять, отца или матери?
- Ну, и чью взял?
- Двойную. Джонсон и Джонсон.

Это мой папа...

Самое время рассказать о моих родителях, о нашем большом и уважаемом тухуме. Мой отец, Магомед Каирович Мусаев, – один из первых в нашей республике, кто закончил факультет театральной режиссуры Государственного института театрального искусства в Москве. В Дагестане выпускников ГИТИСа можно пересчитать по пальцам одной руки. Тридцать пять лет он отдал родному дагестанскому телевидению, где проработал режиссером телевизионных программ. В прошлом году, когда отмечали его восьмидесятилетний юбилей, один гость ска-

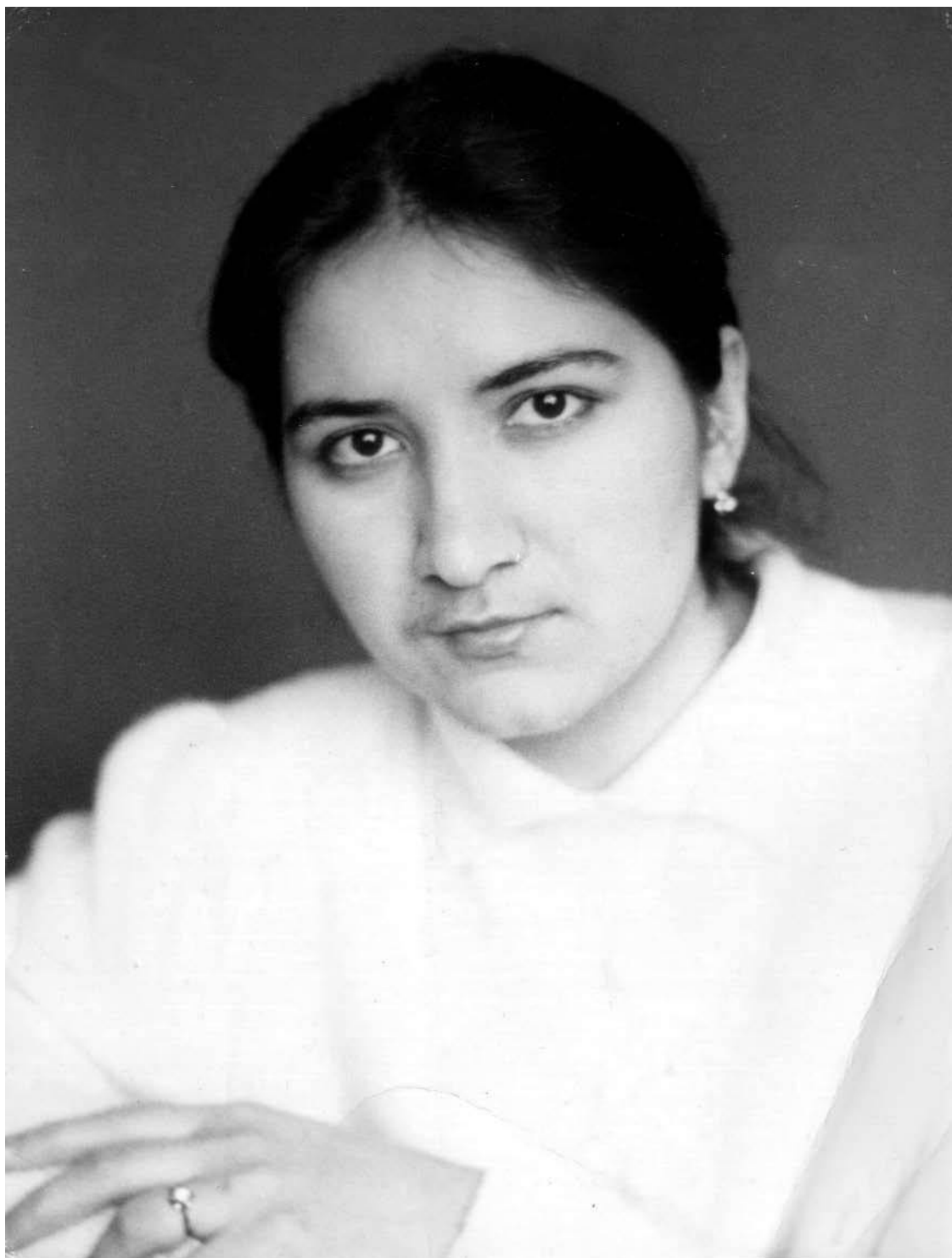
зал, что стены телекомпании до сих пор еще помнят его раскатистый и звонкий смех. Если у меня есть чувство юмора, то это точно от него.

...а это мама.

Мама, Марьям Гусейновна, от отца тоже далеко не отстала и нередко выдает такие перлы, что и Жванецкому не снились. Родилась она ровно через один месяц и два дня после ядерной

бомбардировки американцами японского города Хиросима. Не знаю, отразился ли сей факт на Японии, но на мамином характере отпечатался серьезно. Она у нас с самого детства не любит войну. Всю жизнь она посвятила самой гуманной профессии на свете. Вот уже четвертое поколение детей лечится у моей мамы. Есть у меня замечательная старшая сестра Разият – кандидат педагогических наук, она сейчас преподает в педуниверситете. Она самая лучшая сестра на свете.

Сестра Разият

С отцом года три назад произошла одна забавная история. Пошел как-то папа в пенсионный фонд по поводу своей пенсии поинтересоваться. А ему там заявляют:

– Вы, Магомед Каирович, к Магомеду Абдулкаировичу какое отношение имеете?

– Так я, собственно, это он и есть.

– Как же вы, когда у вас в паспорте четко написано: КАИРОВИЧ, а по нашим документам речь идет об АБДУЛКАИРОВИЧЕ.

Отец долго объяснял, что когда-то в сельских бумагах писарь-лентяй решил сэкономить казенные чернила и удалил из отчества «Абдул». Так я и стал Каировичем, а отца на самом деле звали Абдулкаир. В пенсионном фонде в эту историю не поверили, и отцу пришлось обращаться в суд с заявлением, что он – это он! И вот состоялся суд. Самый настоящий. Федеральный судья Советского районного суда города Махачкалы Махач Гимбатович Алиев вынес постановление: «...Считать Мусаева Магомеда Каировича Мусаевым Магомедом Абдулкаировичем». Отец радостный пришел домой с этой бумажкой. Справедливость восторжествовала!

Селение Чох.

Наш большой и славный тухум Мусаясул-Манижал родом из знаменитого дагестанского села Чох. Много достойных людей, известных за пределами республики, родом из этих мест. Именно под Чохом объединенные силы народов Страны гор в восемнадцатом столетии наголову разбили полчища завоевателя Надир-шаха. Мой прапрадед Маниж-Магомед Мусаев был ювелиром. Но погиб он с оружием в руках, освобождая Болгарию от турецкого ига капитаном царской армии. За военные подвиги российский император предоставил его детям возможность за казенный счет учиться в учебных заведениях России. Как свидетельствуют сохранившиеся документы, ни один из его детей не посрамил чести своего отца. Верой и правдой служили они отечеству и императору, участвовали во многих военных операциях, были награждены многими орденами и медалями. Один из внуков Манижа-Магомеда – Халил-Бек Мусаясул, в честь которого меня, собственно, и назвали, учился в Мюнхенской Академии художеств. Позднее он стал знаменитым художником, его картины составляют золотой фонд музеев Нью-Йорка, Парижа, Рима, Каира. Сейчас его имя уже достаточно широко известно у

нас в стране, но были времена, когда одно упоминание о нем могло стоить больших неприятностей. На истории жизни Халил-Бека я хочу остановиться подробнее.

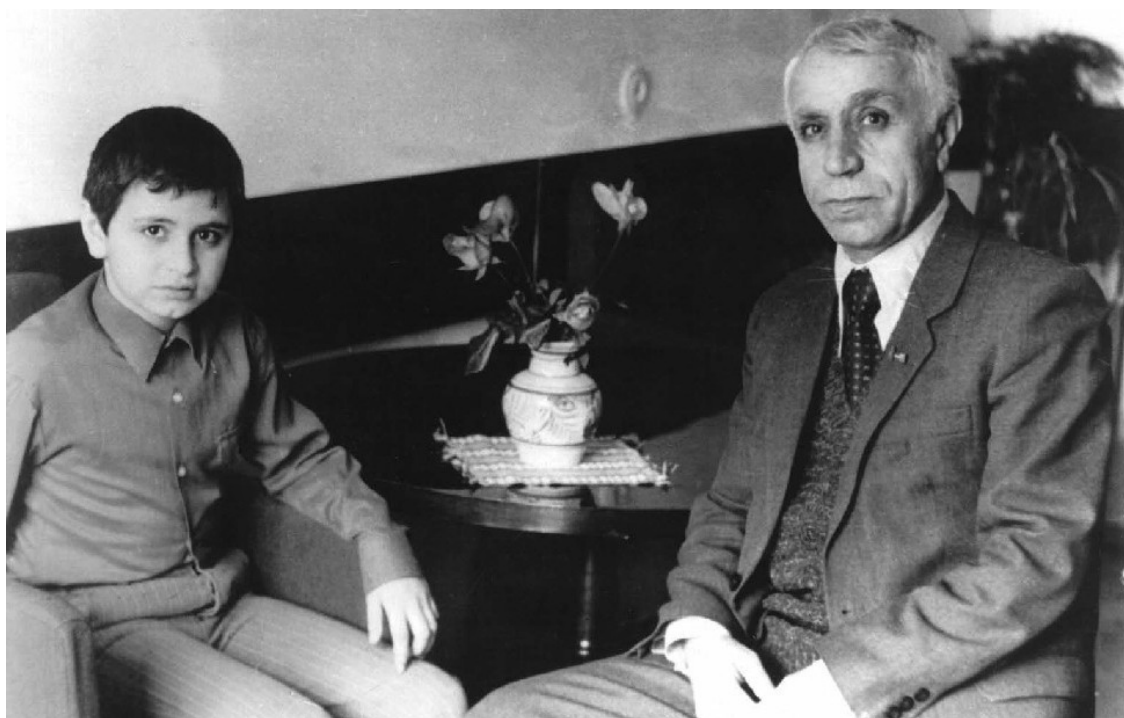
Первым местом учебы юного Халил-Бека было Грозненское реальное училище, окончив которое, он переезжает в Саратов. Проучившись год в Боголюбовском реальном училище, Мусаясул сдает экзамен по «анатомии строения человеческого тела». Затем было Тифлисское училище изящных искусств, а в 1913 году он едет в Германию и становится студентом Мюнхенской Королевской Академии художеств. Но продолжить образование помешала первая мировая война. С огромным трудом Халил-Бек возвращается на родину. Здесь он работает главным художником в первой в Дагестане типографии Магомеда-Мирзы Мавраева. В 1921 году Халил-Бек возвращается в Мюнхен, чтобы продолжить учебу в Академии художеств. Больше вернуться в родной Дагестан ему было не суждено. Ярлык невозвращенца (хотя Халил-Бек предпринимал несколько попыток вернуться в СССР), приклеенный ему советскими карательными органами, больно ударил по семье Мусаевых в те годы. В 1938 году расстреляли моего деда – учителя сельской школы. Когда началась Великая Отечественная война, уже будучи гражданином Германии, Мусаясул на свои собственные средства как мог помогал пленным землякам-кавказцам. Понимая, что в СССР бывших военнопленных ждет концентрационный лагерь, он сумел переправить в США несколько сотен узников немецких лагерей дагестанцев, чеченцев, карачаевцев, осетин. Когда война закончилась, он переехал в Америку и поселился в Нью-Йорке. Женитьба на девушке по имени Мелани с новой силой развернула его творческое дарование. Но в 1949 году, в пятидесятитрехлетнем возрасте, он умирает от инфаркта. Многие факты из жизни Халил-Бека стали известны нам совсем недавно. Баронесса Мелани Мусаясул написала моему отцу и дяде Омару несколько писем, а в 1990 году по ее приглашению они ездили в США на могилу Халил-Бека. Все его картины, дневники, документы Мелани бережно сохранила и передала в дар нашей семье, Дагестану. Умерла она совсем недавно, когда ей было уже больше 90 лет, но до последних своих дней эта американка помнила аварский язык – язык своего мужа. Полмира объездил Халил-Бек Мусаясул, жил в Европе и Америке, но при знакомстве с новым человеком всегда представлялся так: «Халил-Бек, художник из Дагестана».

Мой дядя Омар, баронесса Мелани Мусаясул, отец и американский продюсер Роджерс. Нью-Йорк. Июнь 1990 г.

1955 год. Выпуск ГИТИСа. Крайний слева – папа (в образе). В центре – А. Даниялов и ректор А. Горбунов.

С папой. Мне 10 лет (я – слева)

- А жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно...
- Да нет, чтобы вообще не было больно!
- И чтобы было просто приятно за бесцельно прожитые годы!

Мои «бесцельно прожитые годы» начались 1 сентября 1981 года. Я пошел в первый класс Махачкалинской средней школы №38. Отец, воспользовавшись служебным положением, привел с телевидения оператора с кинокамерой, и я «попал» в объектив. Эта пленка сохранилась

у меня до сегодняшнего дня как подтверждение того, что когда-то я был весьма спортивного телосложения. Но о моем отношении к спорту я расскажу в другой главе, а пока – о школе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.